

А. Казанцев

Внуки Марса

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
А11

А11 **А. Казанцев**
Внуки Марса / А. Казанцев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 77 с.

ISBN 978-5-458-32036-8

Первая экспедиция на Венеру. Два планетолёта доставляют на Венеру международный экипаж, которому предстоит исследовать загадочную планету. Героев ожидает удивительный мир Венеры, чем-то напоминающий Землю Юрского периода, но и отличный от неё. И, кто знает, может быть на Венере люди сумеют отыскать ключ к разгадке сгинувшей марсианской цивилизации.

ISBN 978-5-458-32036-8

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„ставить на орбите спутника два корабля с запасами топлива на обратный путь для всех трех от спуска на планету воздержаться“. Ни нам, ни американцам теперь на Венеру не спуститься. – И, отстегнув ремни, он решительно встал с кресла; его магнитные подошвы щелкнули.

Алеша обернулся.

– Это что же! – гневно сказал он. – Товарищей наших потеряли... за сто миллионов километров до самой Венеры добрались... И теперь повернуть назад? Нет! Не бывать тому!

Илья Юрьевич грустно посмотрел на Алешу. Добров поморщился.

– Осторожность – сестра расчета, – продолжал он. – Ограничимся проверкой выводов автоматических станций. На Венере есть что разведать и через облачный покров.

– Что верно, то верно, – задумчиво подтвердил Богатырев.

– Уточним период вращения – раз, изучим атмосферу и влияние на нее Солнца – два, составим радиолокационный глобус Венеры – три... Исследуем магнитное поле – четыре, выверим полюса – пять...

– Не будьте арифмометрам, Роман Васильевич! – прервал Алеша. – Все это уже делали и могут делать автоматы. Их выводы вы уточните, и только. Лететь в Космос нужно было во имя Земли... во имя тайн ее развития, а чтобы открывать – надо видеть!...

Добров пожал плечами.

Алеша резко повернулся к Илье Юрьевичу, тело его напряглось, вытянулось, голос прозвучал глухо:

– Илья Юрьевич... прошу вас... По инструкции в случае невозможности посадки разрешается использовать планер.

– Для спуска универсального автомата, – напомнил Добров.

– К черту автомат! Пустите вместо него меня! – выпалил Алеша.

Богатырев нахмурился.

– Планер не возвращается, Алеша, – внушительно сказал он.

– Я знаю, – проговорил Алеша и глотнул воздух. – Мне вовсе не просто решиться... Но ведь врачи во имя науки прививали себе чуму. Пусть я останусь на Венере, но я сообщу по радио все, что увижу. Опишу формы жизни. Может быть, выживу до новой экспедиции. Я очень прошу. Мне нужен только планер...

Илья Юрьевич встал. В соседней радиорубке звучал зуммер.

– Земля! – сказал Добров.

Алеша бросился к пульту и включил репродуктор.

Сквозь шум и треск космических помех раздался далекий голос. И, потому что для всех троих в этом голосе зазвучало все родное, оставленное, бесконечно далекое и бесконечно желанное, звездолетчики замерли, боясь пошевелиться.

– Внимание! В Космосе! Сектор Венеры! Сектор Венеры! Слушай, «Знание»! «Просперити»! Говорит Земля. Передает Луна. Скорбим вместе с вами. Верим в вас. Выходите по плану на орбиты спутников. Сообщите характер повреждения метеоритной пылью защитных слоев кораблей. Сможете ли без ущерба для здоровья дожидаться «Искателя-семь», который в случае необходимости вылетит к вам через две недели?

Голос выжидающе замолк.

На Земле ждали ответа. Более трехсот секунд пробудет в пути радиолуч.

– «Искатель-семь», – прошептал Алеша. – Он прилетит через пять месяцев...

В репродукторе зловеще шуршало, словно ворочался кто-то невидимый, притаившийся, обвившийся вокруг корабля.

Добров кивнул в сторону репродуктора:

– Вот он, Космос, выдает себя. Все вокруг пронизано излучениями...

– Да, – подтвердил Богатырев, – в Космосе боясь невидимых бурь, не только летящих скал. Когда-нибудь метеориты фотонным лучом будут уничтожать, а пока...

– А пока смертоносные лучи за пять месяцев сквозь пощипанную защиту уничтожат здесь все живое, – договорил Роман Васильевич.

Алеша оживился, почти обрадовался:

– Илья Юрьевич, так позвольте, я сообщу сейчас об этом Земле! И то, что вы... позволяете мне... – добавил он, умоляюще смотря на Богатырева.

Илья Юрьевич подошел к Алеше, провел рукой по мягким его волосам и сказал:
– Эх, Алеша, Алеша!... Буйная ты голова!...

Глава вторая. ШЕДЕВРЫ ЛОГИКИ

В грузовом отсеке космического корабля «Просперити» стоял планер. Со сложенными крыльями, с выступающей застекленной кабиной он напоминал фюзеляж маленького скоростного самолета.

На свободном месте между планером и картонными ящиками с консервами стоял командир «Просперити» инженер Аллан Керн, сухой, жилистый человек с длинным лицом, холодными голубыми глазами и коротко остриженными усами. Он уже знал о несчастье, но, не меняя распорядка дня, занимался гимнастикой: натягивал резиновые тяжи, приседал, глубоко дышал, откидывая назад руки, поднимая грудь.

В грузовой отсек вошла Мэри Стрем, радистка корабля и астронавигатор, девушка спортивного склада, с решительными движениями, с гордо посаженной головой и острыми, но приятными чертами лица.

– Мистер Керн, – звонко сказала она, – мистер Богатырев запрашивает ваше мнение.

– Прошу извинить. Еще два упражнения, – ответил Керн, вытягивая в сторону ногу.

Мэри Стрем нахмурилась, неодобрительно глядя на шефа, и горько сказала:

– Не все теперь могут придерживаться расписания... В последний раз в час радиосвязи я говорила с ними... шутила...

– Шутить в Космосе не место, – сухо отрезал Керн, свертывая резиновые тяжи. – В их положении вполне могли оказаться и мы.

Мэри Стрем пожала плечами и пропустила начальника вперед.

Рубка управления «Просперити» была похожа на кабину советского корабля, но спланирована по-иному. Пульт стоял не впереди, перед креслами, а, разделенный на две части, занимал боковые стены, передняя стена была сплошным окном, в котором виднелась звездная россыпь в непросветной темноте. Отчетливо ощущалось, какие звезды ближе, какие дальше. Знакомые созвездия как-то не воспринимались из-за того, что составлявшие их звезды казались словно в разных плоскостях.

При появлении Аллана Керна с кресла, отстегнув ремни, поднялся второй пилот корабля, известный американский астроботаник Гарри Вуд. Он выглядел бы атлетом, если бы не был так угловат и нескладен. Большие руки фермера и грубоватое загорелое лицо не вязались с «учеными» очками.

– Сэр, прошу вас... Если есть хоть малейшая возможность... Побывать на Венере – цель моей жизни.

– Вы думаете, что главная наша цель – это подтвердить вашу славу астроботаника? Нашупал с Земли радиолокатором на Венере какую-то растущую дрянь и получил национальную премию!...

– Только здесь и можно доказать, что я не зря получил.

– Мелко берете, Гарри! Я предпочел бы заглянуть в недра планеты! Добраться до них мне важнее, чем повидать никчемные папоротники.

– Значит, сэр, не все еще потеряно?

– Я сам хочу задать этот вопрос, – сказал Аллан Керн, усаживаясь в кресло и поворачиваясь лицом в угол.

– Будить это страшилище! – гневно воскликнула Мэри. – В такую минуту?

– В такую минуту нам нужна безупречная электронная логика, – невозмутимо ответил Керн и, пристально глядя в одну точку, стал четко и размеренно произносить: – Семь... двенадцать... девять... Хэлло! Джон! Проснитесь!...

В углу кабины в позе египетского фараона, положив руки на колени, сидел железный человек. Его металлический панцирь напоминал латы рыцаря-гиганта. Он повернул шлемовидную голову и уставился на Керна двумя выпуклыми, как у рака, глазами-объективами.

Где-то в глубине окошечка на груди мягко разгорелся красноватый свет. Мигнул и засветился зеленый сигнал. Из отверстия в голове, прикрытого железной решеткой, раздалось шипение, треск, потом послышался неприятный металлический голос:

– Да, сэр!...

Возмущенная Мэри Стрем отвернулась.

Керн в упор смотрел на робота. С ним он связывал все свои личные расчеты освоения планеты Венеры. Робот был сделан гениальным, как привык говорить Аллан Керн, Томасом Керном, родным его братом, знаменитым кибернетиком, истратившим все состояние на это детище своего ума. Разочарованный, он умер в нищете, завещав брату, астронавту, своего Железного Джона. Именно на иных мирах могли проявиться все необычайные способности робота, безразличного к окружающим условиям. Колония роботов могла разрабатывать бесценные богатства планет при любой силе тяжести, при любой температуре, в любой атмосфере или без нее. Им, по мысли и Томаса и Аллана Керн, принадлежало будущее в освоении Космоса.

– Прошу вас, уважаемый Джон, – почтительно произнес мистер Керн. (Чудаковатый Томас спрограммировал кибернетическое устройство робота так, чтобы он реагировал лишь на вежливое обращение.) – Прошу вас решить уравнение: два корабля с известными вам запасами топлива... Требуется спустить на поверхность шестерых и поднять хотя бы пятерых для возвращения на Землю.

– То есть как это – пятерых? – порывисто обернулась Мэри, пронзительно смотря на Керна.

Керн поднял руку:

– Пять мужчин со средним весом по сто восемьдесят фунтов, – уточнил он.

– Мужчин! – воскликнула Мэри. – А я?

– Вы останетесь в Космосе, – небрежно бросил через плечо Керн.

– Шестым спустится Джон, – шепнул Гарри Вуд.

Мэри была вне себя от негодования. Она заговорила вполголоса, угрожающе:

– Превосходно! Свою чертову куклу вы собираетесь взять, а меня оставить сторожить вам топливо на обратный путь!... К дьяволу, сэр! – Она тряхнула головой. – Не для того мой отец субсидировал экспедицию, – напомнила она, вскинув подбородок.

Керн раздраженно повернулся к ней.

– Вы уже достаточно использовали его доллары, – зло сказал он, – включив в экспедицию и своего жениха и себя.

– Это бессовестно, шеф! Гарри заслужил полет на Венеру исследованиями ее растительности, а я... я, кажется, тоже доказала свою пригодность для космического полета.

Керн усмехнулся. Мэри вызывающе смотрела на него. Она всегда была уверена в своей правоте, в себе, считала, что не знает страха. Она бывала в прериях и носилась там на необъезженных лошадях, она специально ездила в Мексику, где смуглые юноши прыгали за деньги с непостижимой высоты в бурное море... Ей захотелось заставить себя тоже прыгнуть. И она прыгнула... О ней писали газеты, а она лежала в больнице. Но она все-таки прыгнула. А потом встретился Гарри, повстречался на горной дороге, по которой она неслась в автомобиле. Она чуть не сшибла его, держащего пучок трав, собранных для гербария. Она великолепно затормозила, милостиво оставив его существовать. Так, по крайней мере, сказал он ей тогда, шутливо преподнося свой нелепый букет. Но она оценила букет не за редкие травы, а за то, что это был букет от него... Взбалмошная, она заставила его ехать вместе с собой. Правда, править на горной дороге он предпочел сам, слишком уж она демонстрировала свое бесстрашие. А когда они добрались до города, она уже считала, что не сможет жить без этого насмешливого увальня, который был прелестно «себе на уме». И тут выяснилось, что он рассуждает о своем участии в экспедиции на Венеру, как о новом походе за травами на горный перевал... Потерять Гарри, который так счастливо нашелся на крутом повороте, Мэри не собиралась. Она готова была быть с ним всюду и... принялась за радиотехнику и астронавигацию. Она блестяще сдала экзамены, она умела добиваться своего. Конечно, на третье место в американской части экспедиции было сорок тысяч претендентов, два места были давно обеспечены за летавшим уже на спутниках и на Луну Алланом Керном и за американским последователем советского

ученого Гавриила Тихова, лауреатом Национальной премии по астроботанике Гарри Вудом, предположившим существование на Венере гигантских форм растительности типа флоры каменноугольного периода Земли... Остальное действительно сделали деньги мистера Стрема, не умевшего ни в чем отказывать дочери, правда оговорившего права своей компании на новой планете.

– Конечно, – саркастически сказал мистер Керн, – экзамен на астронавигатора вы выдержали, но предстоит вам экзамен более серьезный.

– Остаться в этой космической одиночке? Не выйдет! Собираетесь взять с собой робота? Так он останется здесь, я сама задам ему программу. А я спущусь вместе с вами, вместе с Гарри! – вызывающе добавила она.

– Что ж, – усмехнулся Керн, – если вы во всем согласны поменяться судьбой с Джоном...

– Мистер Керн имеет в виду, что... шестому, то есть Джону, придется остаться там... внизу... – шепнул Вуд.

Мэри вздрогнула.

– Я с большим удовольствием оставил бы там мисс Стрем, чем это несравненное чудо техники, с которым нам сейчас надо советоваться.

– У вас электронный мозг, шеф! – чувствуя свое поражение, крикнула Мэри.

– Польщен. Электронное мышление украсило бы любого министра, оно безошибочно. В связи с этим разрешите мне продолжать. Итак, почтенный Джон, прошу вас... без ошибки.

Человекообразная машина Железный Джон была и на самом деле чудом современной техники. Ее электронный мозг с пятью миллионами запоминающих ячеек вмещал несметное количество понятий, составляющих людские знания в важных для космического обихода областях. Робот Джон не только переводил с русского языка на английский и говорил на обоих языках, вполне грамотно и литературно отделявая фразы, но и мог безупречно логически мыслить, ставить перед собой задачи и решать их, выбирая наивыгоднейшие решения. Конечно, он делал это, находя ответ в сотне тысяч вариантов, которые с тупой педантичностью машины бездумно перебирал. Но скорость этого механического мышления электронных схем была столь молниеносной, что он успевал сделать до миллиона попыток в секунду и выбрать самое острое и самое верное решение. Железный Джон обладал и завидными электрическими мышцами, и емким энергетическим источником, работающим на ядерных превращениях.

Машина думала... Электрические процессы, грубо подобные биотокам человеческого мозга, совершали невидимую титаническую работу. У машины не было интуиции, вдохновения, светлого прозрения, но она отыскивала затерянный на морском берегу бриллиант, перебирая весь песок до последней песчинки.

Наконец робот щелкнул, повернул глаза-объективы к мистеру Керну и безучастным голосом доложил:

– «Знание» спустит на Венеру: мужчин – трех. Планер спустит: мужчин – двух, роботов – одного. «Знание» поднимает: мужчин – пять, роботов – ноль.

– О'кэй! – сказал мистер Керн.

– «Знание» получит все горючее «Просперити», – продолжал робот. – «Просперити» останется спутником Венеры и сгорит на девятьсот семьдесят четвертом обороте.

Мэри с ужасом посмотрела на бесстрастную машину, словно произносившую приговор, но не перебила ее.

– «Знание» доставит к Земле, – звучал металлический голос: – мужчин – пять, женщин – одну, роботов – ноль. Для посадки на Землю получит горючее на орбите спутника Земли.

– Великолепно! – воскликнул мистер Керн. – Я полагаю, что командор оценит это блестящее решение и согласится на некоторую тесноту на своем корабле. Готовы ли вы, мистер Вуд, спуститься со мной и Железным Джоном на планере?

– Я полагаю, мистер Керн, что риск в Космосе – это норма поведения, но... – Гарри посмотрел на Мэри.

Она стояла, опустив голову. Он подошел к ней, положил ей на плечо свою огромную руку.

– Уверен, – сказал он: – чтобы остаться здесь одной, нужна большая решимость, чем... для того, чтобы спуститься всем вместе...

Мэри подняла глаза.
– Я не знаю, – сказала она, – от кого потребуется больше. Я была готова ко всему, кроме этого... Если я не сойду с ума...
– Член экипажа, – прервал ее Керн, – нужен на «Просперити» в здравом уме, чтобы с орбиты спутника поддерживать с русскими связь, пока мы не сядем на планере вблизи них.
– Не беспокойтесь, выдержу! – почти гневно заверила Мэри.
– Мэри... Спасибо! – Гарри Вуд сжал ее руку выше локтя.
Мэри прильнула к стеклу, за которым сверкало солнце. Ей казалось, что она решилась сейчас спрыгнуть с небоскреба.
Но нужно было идти в радиорубку передать мнение «Просперити» командору.

Глава третья. ПЛАНЕТА ТАЙН

Край исполинского оранжевого шара заслонил в окне радиорубки почти все звездное небо.

Как замороженный, смотрел на него Алеша.

Чуть расплывчатые, золотились на солнце неземные горные хребты. Они напоминали гребни штормовых волн, взметнувшихся и застывших.

Гребни наплывали, становились резче, передвигались, заметно меняясь, превращаясь то в клубы взрывов, то в башни замков; закрученные смерчами, вздымались колонками, между которыми просвечивали красные пропасти, иногда ослепительно вспыхивающие светом вольтовой Дуги.

Вечные облака Венеры! Когда-то и Земля была окутана таким же ватным одеялом облаков...

Вот они, непроницаемые, ядовитые облака, казалось, исключают возможность существования жизни на планете. Впрочем, так ли это? Аммиачные или метановые, они плывут на огромной высоте. Внизу могут быть совсем иные условия. Что это за красные сверкающие вспышками пропасти?

Астрономы по ничтожным косвенным данным старались решить вопрос о жизни на планете.

Высказывались самые различные предположения. Некоторым казалось, что Венера во всем подобна Земле, находится в зоне Жизни. Однако радиоастрономы одно время высказали очень пессимистические взгляды. Температура на поверхности Венеры оказалась по их измерениям около 300°C!... При такой температуре на планете не могло быть не только жизни, но даже воды. Объяснить такую высокую температуру на поверхности Венеры было очень трудно, она казалась крайне странной. Ведь почти такая температура существует лишь, на обращенной всегда к Солнцу поверхности Меркурия (400°C), а Венера много дальше, к тому же защищена облаками...

Советский астроном Н. А. Козырев еще в 1961 году высказал предположение, что радиоастрономы измеряют температуру не на поверхности Венеры, поскольку ионизированный слой венерианской атмосферы в шесть раз активнее земного и не пропускает радиоизлучений. Температура 300°C относится именно к этому ионизированному слою. Как известно, в земной атмосфере есть слои, где температура в ее условном понимании, как характеристика теплового движения молекул газа, достигает 700°C. Правда, такая «земная» температура отнюдь не вяжется с представлением о «жаре», поскольку плотность газа с такой температурой ничтожна. Что же касается поверхности Венеры, то Козырев, как и другие астрономы (в частности, Барабашов), считал, что там температура в пределах 30-50°C.

Расходились мнения и о воде. В противовес мнению радиоастрономов другие астрономы склонны были полагать, что поверхность Венеры залита сплошным водным океаном.

А жизнь? Ведь именно в морях появились на Земле первые живые клетки, они превращались потом в организмы, а те цепко приспособлялись, совершенствовались и размножались...

Однако возможно, что покрывающий Венеру океан состоит вовсе не из воды, а из

углеводородов.

Океан нефти!...

Но ведь на Венере, близкой к Солнцу, атмосфера, конечно, перенасыщена электричеством. Страшные, не прекращающиеся грозы с чудовищными молниями, удары которых видны даже сквозь непроницаемый слой туч, сразу же зажгли бы океан нефти...

Зажгли?... Если бы там был кислород!... Кислорода в атмосфере Венеры долгое время не находили. Лишь в 1960 году там был обнаружен (в верхних слоях атмосферы) атомарный кислород, что позволяло подозревать существование кислорода в большем количестве и у поверхности планеты. Углекислота же обнаруживалась, и даже в количестве большем, чем на Земле. Столько на нашей планете было лишь в каменноугольный период, когда выброшенные вулканами газы позволяли бурно развиваться гигантской растительности. Сотни миллионов лет пополняла живая зелень земную атмосферу кислородом, способствуя появлению новых жизненных форм.

Но есть ли подобная растительность на Венере?

Подлетая к Венере, исследователи убедились, что температура на поверхности Венеры скорее допускала существование жизни, чем исключала ее. 300°C действительно нужно было отнести к ионизированному слою атмосферы, но о том, что происходило на скрытой всегда слоем туч поверхности, судить все еще было трудно.

Еще изучая Венеру с Земли, пытливые умы пытались проникнуть мысленным взором сквозь загадочную пелену.

Основоположник астроботаники Г. А. Тихов считал пробивающиеся сквозь пелену туч Венеры красноватые лучи не чем иным, как отражением света растительностью. На Венере очень тепло, и растительность ее не нуждается в тепловой части солнечного спектра, она должна отражать красные и инфракрасные лучи.

После Тихова астроном Н. А. Козырев изучал весь спектр отраженного Венерой света и обнаружил «провал» в фиолетовой и ультрафиолетовой его части. Венера поглощала огромное количество энергии, возможно, благодаря фотосинтезу растений.

К такому выводу пришли и американские ученые, строя баланс энергии Венеры.

Ничем иным, кроме существования на ней растительности, нельзя было объяснить «захват» солнечной энергии, обнаруженной при составлении баланса.

Два космических корабля, американский и советский, летели теперь над самой Венерой. Звездолетчики видели колеблющиеся хребты ее взлохмаченных туч, но были пока не ближе к разгадке тайны жизни на ней, чем далекие астрономы.

Проблема жизни на планетах солнечной системы была темой кандидатской диссертации Алеша. Его руководитель профессор Богатырев содействовал включению своего ученика в экспедицию на Венеру.

У Алеша Попова было достаточно к тому оснований. Вместе с Богатыревым он участвовал в лунной экспедиции, его исследование лунной плесени показало ее чудовищную способность развития в земных условиях, сделав лунные плантации на Земле вполне реальными.

Подсказал ему тему все тот же Илья Юрьевич. Он вообще незаметно во всем руководил Алешей, человеком необычайно и опасно разносторонним. Четыре года назад окончив университет, Попов, обладая сильным драматическим тенором, решил стать оперным певцом. Но, занявшись музыкой, вдруг обнаружил, что может писать прелестные вальсы и песни, чем и занялся с упоением, сразу добившись известности не меньшей, чем имел до этого в живописи, которую не бросал. Он писал и пастелью и маслом, любил и портреты и пейзажи. Однако пейзажи так захватывали его, что он бросал кисть и отдавался природе, которую чувствовал и знал.

Он способен был с самого рассвета под проливным дождем бродить по лесам, собирая грибы – в этом искусстве Алеша не имел себе равных... Или плавать на лодке по речушкам и тихим озерам...

У него были еще и золотые руки, он занимался радиолюбительством с мальчишеских лет, в студенческие годы работал техником по телевизорам, и сам своими руками сделал для личной «библиотеки» «машину памяти» с миллионом запоминающих ячеек, превратив ее в

портативный справочник по нужным ему отраслям знаний.

Еще раньше он сделал себе карманную «машину памяти» и применил «электронную шпаргалку» во время экзаменов в университет, предварительно записав в ее устройство все ответы на экзаменационные билеты.

После экзаменов он честно признался в этом и поставил приемную комиссию в щекотливое положение. Однако ее члены сочли, что студент, способный создать такой аппарат, не менее ценен, чем тот, кто ответил на экзамене. Некоторые профессора утверждали, что высшее образование, кроме общей культуры специалиста, прежде всего дает умение пользоваться справочниками, и даже позволяли студентам заглядывать в книги на экзаменах, как в жизни, утверждая, что воспользоваться этим смогут лишь знающие.

Но Алеша поступил не на технический, а на биологический факультет. Окончательный выбор между музыкой и биологией помогла сделать романтика Космоса, раскрытая перед Алешей Богатыревым. Илья Юрьевич видел беду в опасной, как он говорил, разносторонности Алеша, не редкой среди русских людей, – иные столь щедры во всем, что порой не становятся никем.

Благодаря Илье Юрьевичу Алеша стал звездолетчиком, биологом и радистом корабля «Знание», способным в случае нужды заменить других членов экипажа. За долгое время пути он часто пел в своей радиорубке перед микрофоном. Его слушали не только Илья Юрьевич и Роман Васильевич, но и американцы на «Просперити», и звездолетчики «Мечты»...

«Мечта»...

До мельчайших подробностей помнил Алеша все, что было потом.

Запросив по радио мнение американцев, Илья Юрьевич вызвал Романа Васильевича и Алешу, чтобы посоветоваться с ними.

Он сидел тогда в магнитном кресле, притягивавшем костюм, ссутулившись, словно на корабле была не невесомость, а тройная тяжесть взлета. Широко расставив массивные колени и упершись в них руками, он невидящим взором смотрел в угол кабины.

Роман Васильевич, пощелкивая магнитными подошвами, расхаживал по кабине и ругал американское предложение:

– Авантюра! Не предусмотрено никакими инструкциями! Пожертвовать еще одним кораблем!... Пойти на риск двойной перегрузки «Знания»! Выбросить даже запасы кислорода и приборы...

Алеша запальчиво перебил его:

– Наши глаза на Венере заменят многие приборы!

Добров продолжал:

– И мыслимое ли дело спускаться на планере, предназначенном для одного лишь робота! Что это? Безумие?

– Скорее отвага, – ответил Алеша.

Роман Васильевич остановился перед Богатыревым:

– Как же ты сам думаешь, Илья?

– Думаю – не зная броду, не суйся в воду.

– Верно думаешь! – обрадовался Добров.

– Значит? – тревожно спросил Алеша.

– Значит, мнения таковы, – подвел итог Илья Юрьевич. – По Алешиному – надо немедленно, очертя голову, бросаться на американском планере в пучину туч. По Роману же получается – поворачивай вспять, покружив у планеты...

– И как же? – повысил голос Алеша.

– И не эдак, и не так. В воду сунемся, но... прежде брод узнаем. Это значит сперва, как предлагал Роман, станем спутниками Венеры и хорошенько изучим ее: не сплошной ли на ней океан или пустынный материк, покрытый пеплом вулканов, где и жизни еще нет?

– Этого не может быть! – не выдержал Алеша.

– Все возможно, – ответил Илья Юрьевич. – Так вот. Когда с помощью радиолокации получим первый глобус Венеры, наметим, где моря, где суша, когда выберем место для посадки, тогда выбрасывай кресла и койки пилотов, все, кроме нашего зверинца, и готовься к посадке на «Знании». Именно знание, одно знание доставим мы на Землю.

Роман Васильевич пожал плечами:

– И зачем ты только мнение людей спрашиваешь, Илья?...

– А разве в мое решение не вошло мнение каждого?

– Это замечательно, Илья Юрьевич, что вы так решили! – бросился к Богатыреву Алеша.
– Позвольте мне вас обнять!

– Что я тебе, девица, что ли? – с притворной суровостью отстранился Богатырев. – Поищи ее на новой планете.

– И найду! – смеялся Алеша. – Разумную жизнь обязательно на Венере обнаружим. Только бы спуститься!...

– Когда ты спустишься, разумных там не прибавится! – сердито заметил Илья Юрьевич и ласково взглянул на Алешу.

...Корабли подошли к Венере и стали ее спутниками, пролетая над изменчивым, непроницаемым океаном вечных туч.

Началось прощупывание поверхности планеты радиолучом. Американцы на «Просперити», и Алеша с Ильей Юрьевичем на «Знании» делали это независимо друг от друга, сверяя результаты по телевизионному изображению.

Илья Юрьевич показывал американцам глобус, на котором постепенно появлялись контуры океанов. Мистер Вуд в свою очередь показывал на экране свой вариант Венеры.

Надо сказать, что варианты изрядно расходились.

– Здесь горы! – спорил с Гарри Вудом Алеша.

– Боюсь, что вы приняли за горы пылевую бурю, – отвечал Вуд.

– Но здесь вода, – указывал на глобус Алеша.

– Или нефть, – отвечал с экрана мистер Аллан Керн.

В одном наблюдения совпали – в расположении странного инфракрасного пятна.

Мэри Стрем впервые вступила тогда в этот разговор.

Керн и Вуд уточняли с Богатыревым кромку океана, а Мэри сказала Алеше совсем тихо, словно на ухо:

– Что, если это тепловое пятно – город?

У Алеши даже глаза загорелись.

– Постараемся сесть неподалеку! – ответил он.

– Вы счастливый, Алек, – сказала она: – вы увидите волшебную страну... Все равно, первозданная это пустыня или край буйной жизни... А вдруг там цивилизация? И они видят нас... Я все вслушиваюсь в треск атмосферных разрядов, все хочу расслышать адресованные нам снизу радиопередачи...

– Напрасно стараетесь, Маша, – проскрипел подошедший к экрану Роман Васильевич. – Цивилизации здесь не может быть.

– Почему вы так думаете? – обеспокоенно спросила Мэри. – Вы против существования иных цивилизаций?

– Нет, – ответил Добров. – Цивилизация на иных мирах возможна, но...

– У нашего Романа Васильевича по любому вопросу есть «но», – сказал Алеша, отодвигаясь от экрана.

Добров покосился на него и сказал:

– Но разумная жизнь не может возникнуть на разных планетах одновременно.

– Почему? – удивилась Мэри.

– Цивилизация – это миг на часах Космоса. Ведь планеты существуют миллиарды лет, а разумная жизнь – десятки тысяч лет. Она вспыхивает и гаснет, как и все на свете в круговороте жизни. Вспышки Разума совпасть не могут... Тем более здесь, где мистер Вуд предполагает каменноугольную эру...

– О'кэй! – отозвался с экрана Гарри Вуд. – Вы очень точно заметили – каменноугольная эра! Командор! Уточняем... Здесь у вас тоже получилось нечто похожее на растительность.

– Растительность или мелкая лагуна. Пока трудно судить, – отозвался Богатырев.

– Наш мистер Вуд судил об этом еще с Земли, – едко заметил Аллан Керн.

– Возможно, что это действительно растительность. Я бы очень этого хотел, – сказал Богатырев.

Богатырев и два американца снова занялись глобусом.
Мэри сделала Алеше знак. Он прошел в радиорубку, надел наушники, услышал голос американки:
– Почему они не говорят об этом тепловом пятне?
– Они считают его районом вулканов...-
– А мне так хотелось бы, чтобы это был город... Нет! Я не хотела бы этого. Близ вулкана Гарри будет в меньшей опасности, чем у города неизвестных существ...
Край исполинского оранжевого шара заслонял в окне почти все звездное небо.

Глава четвертая. ПЕРВАЯ НОЧЬ

Корабль «Знание» пошел на посадку.
Инженер Добров развернул корабль дюзами вперед. Начиналось торможение.
Красноватый клубящийся океан надвигался снизу.
На телевизионном экране виднелись напряженные лица Керна и Вуда.
Ракета настолько снизилась, что касалась вихревых языков тумана. Окна на мгновение становились розовыми, потом снова раскаленными остриями в них заглядывали звезды и огромное косматое Солнце.
Корабль пронизывал облачные горы, встававшие на его пути, оказывался над глубокими ущельями, снова врзался в розовую толщу, свет мерк и вспыхивал опять, когда в бездну проваливались красные долины облаков.
В кабине становилось все жарче. Алеша обливался потом. Очевидно, стенки ракеты раскались от трения о воздух. Добров экономил горючее, стремился затормозить сопротивлением атмосферы.
Корабль вошел в сплошную массу облаков.
Алешу вдавило в кресло. Это Роман Васильевич включил все-таки дюзы, притормозил. И вовремя, иначе изжарились бы!...
В кабине зажглось электричество, за окном стояла красная ночь.
В радиорубку вошел Богатырев и погасил лампочки.
Нет! За окном была не красная ночь, а красный день!...
Внизу расстелились снежные поля с ватными холмами, отливавшими румянцем.
Вверху сквозь дымку облаков просвечивало немыслимо огромное багровое Солнце, как во время заката на Земле, только еще более красное, совсем медное... На него можно было смотреть.
Внизу виднелась не поверхность планеты, а новый слой облаков.
Алеша чувствовал появившуюся тяжесть, она приятным чувством бытия разливалась по всем членам, заставляла радостно ощущать их. Он невольно напрягал мышцы, совсем отвыкшие от настоящей ходьбы за месяцы полета... Недаром мистер Керн так упорно настаивал на непрерывной гимнастике. И зря Алеша, занимаясь с резиновыми тяжами, всегда ворчал...
За окнами понеслись белоструйные потоки. В кабине стало не так жарко. Алеша вытер пот с лица и улыбнулся.
Илья Юрьевич возился с анализаторами. Показания станций-разведчиков подтверждались. Слой ядовитых облаков пройден. Белые облака, как и ожидалось, насыщены водяными парами! Водные океаны, а не нефть, не море углеводородов внизу. Не мертвая планета, а жизнь в негаданных формах встретит там исследователей!...
В атмосфере, кроме углекислоты, оказалось много азота, кислорода же обнаружилось мало. Но внизу станции-разведчики показали его больше! Радуйся, Гарри! Есть там растительность, есть!
Корабль вынырнул из белых облаков.
И сразу же обрушился ураган. Исполинскую ракету потрянуло так, словно вдруг заработали боковые дюзы. Богатырев ударился о спинку кресла, Алеша вылетел на пол, – не послушался, не привязал себя ремнями! Один только Добров прочно сидел на месте, как

влитый, вцепившись руками в рычаги управления. Лицо его окаменело, на голом черепе выступили капли пота.

Алеша подумал об американцах, которым предстоит пройти бешеную атмосферу на планере!... Какие же они все-таки смельчаки!... Вставая, встретился взглядом с Ильей Юрьевичем. Он, конечно, думал о том же.

Алеша ухватился обеими руками за раму иллюминатора.

Внизу алел новый слой облаков... красных и серебристых.

Так это не облака! Это поверхность планеты! Суша!... Красная суша... материк, покрытый красноватой растительностью!...

– Эй, Гарри Вуд! Слышишь нас? – бросился Алеша к радиоаппаратуре.

Лица Вуда и Керна еще виднелись на телевизионном экране сквозь темные полосы помех.

Алеша включил «телевизионный глаз», чтобы на «Просперити» тоже увидели поверхность планеты.

Вуд закивал головой, заулыбался.

– Она красная, твоя растительность! – кричал Алеша. – Именно такой представлял ее твой учитель Гавриил Андрианович Тихов! Но что это серебристое?

– Это море, – гулко отозвался Илья Юрьевич. – Вода серебристая... или такой кажется сверху... Игра света.

Телевизионный экран совсем закрылся темными полосами.

– Полная «непроходимость» радиоволн, – угрюмо заметил Добров.

– Как же они радиопеленг услышат? – забеспокоился Алеша.

– Пойдут к квадрату «семьдесят», где мы сядем. Снизятся, услышат, – невозмутимо заверил Илья Юрьевич.

Алеша успокоился.

Он упивался невиданным ландшафтом.

Добров вел ракету к берегу морского пролива. На горизонте дымились вулканы. Остроконечные конусы выбрасывали фонтаны дыма, расплывавшегося зонтами.

– Эх, Мэри, Мэри!... А мы с тобой надеялись, что тепловое пятно – это «их город»...

Багровое пятно солнца падало на горную цепь. Исследователи «влетали» в вечер.

Илья Юрьевич решил приземлиться на границе дня и ночи, где должно быть меньше бурь...

Ракета прошла низко над вулканом. Пепел окутал ее тьмой, потом внизу сверкнуло раскаленное жерло и огненные реки по склонам. Потом снова серебрищаяся, отливающая медью вода.

И лес! Отчетливо различимый сейчас лес, кровавые его заросли на берегу!

Алеша вскочил и, подняв руку вверх, торжественно крикнул:

– Слава Жизни, вечной и вездесущей! Она есть здесь, есть! К посрамлению чванливых невежд, считающих себя единственными избранниками Природы, а Землю – центром Вселенной! – Он бросился к микрофону и закричал: – Гарри! Гарри! Черт бы побрал эту непроходимость волн! Это папоротники! Честное же слово, папоротники! Походят на пальмы, листья тюльпанами...

Алешу било, как в лихорадке. Он, всю жизнь убежденный в том, что на других планетах есть жизнь, сейчас боялся, что его разбудят...

Добров не стал садиться на морском берегу. Кто знает, какие здесь штормы или вызванные ураганом приливы. Лучше укрыться на лесной поляне.

Илья Юрьевич указал ему рукой вниз.

Оба они совершенно не думали о величии открытого ими мира, а буднично выбирали место для посадки.

Скалистые выходы на болоте. Пожалуй, можно рискнуть. В крайнем случае тотчас взлететь.

Реактивные двигатели ревели... Это был могучий рев земной техники!

Ракета вертикально опускалась.

Толчок. Ракета накренилась в сторону. Добров готов был дать «газ», но ракета еще раз качнулась на выставленных лапах и замерла.